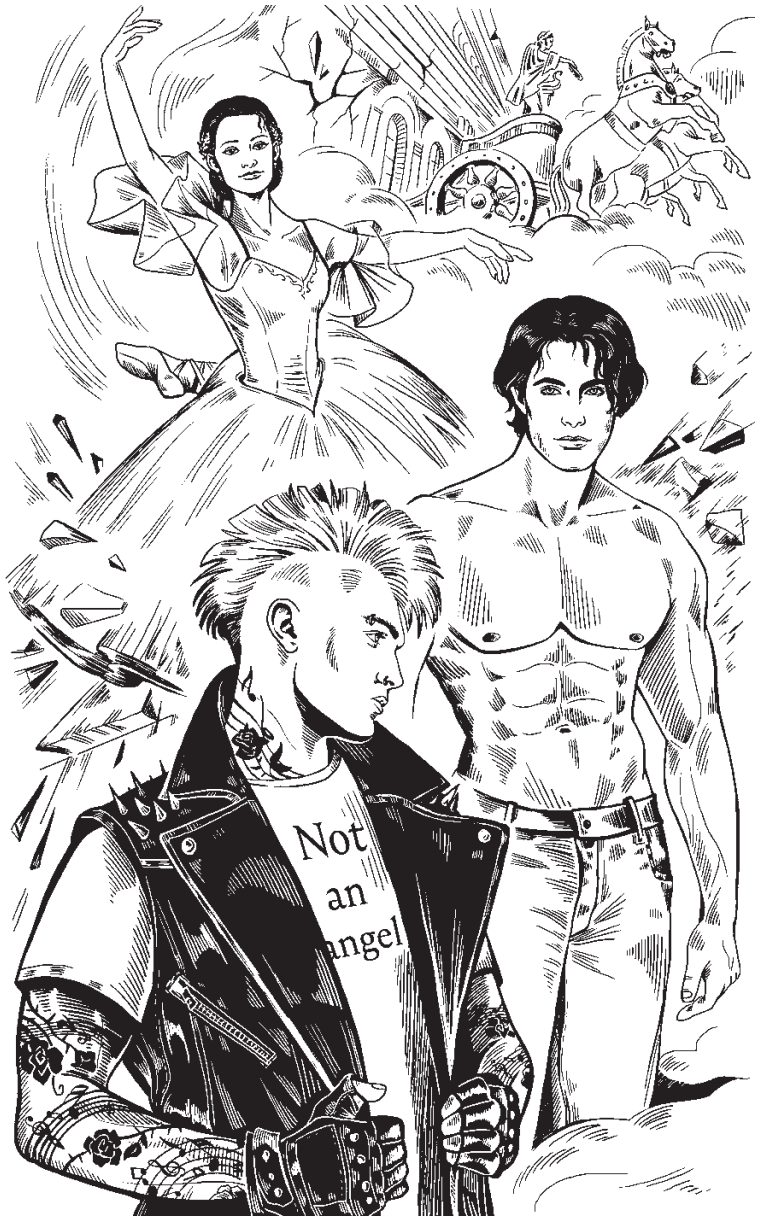

Нина Линдт

ГОВОРЯЩАЯ С ПРИЗРАКАМИ. ИНЫЕ ГОРОДА
ГОВОРЯЩАЯ С ПРИЗРАКАМИ. ДЕМОНИАДА
ГОВОРЯЩАЯ С ПРИЗРАКАМИ. ДИТЯ НОКТУРНЫ
ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С МАРГАРЕТ?

Это абсурд, вранье:
череп, скелет, коса.
«Смерть придет, у нее
будут твои глаза».

*И. Бродский.
Наторморт*

ГЛАВА 1

Человек в легком сером пальто взирал на Барселону с горы Тибидабо. Сильный ураганный ветер, нагнавший туч на город, порывами орошал все вокруг холодным, не по-весеннему колючим дождем. Опавшие цветы покрывали смотровую площадку фиолетовым ковром. А полы его сухого пальто не шевелились от ветра, да и сам он, казалось, не замечал бури вокруг.

Тот самый парень, что отдал кулон Избранной Насте, приблизился почтительно сзади, встал рядом так, чтобы его присутствие стало заметно.

— Габриэль наказан, — доложил парень.

— Что он натворил? — раздался тихий ровный голос.

— То же, что и большинство. — Парень опустил голову. — Он старался «сохранять дистанцию» и «не вмешиваться». В результате проявил халатность и допустил появление Ноктурны.

— Не казни его слишком, Рафаэль.

Парень дернулся.

— Я не казнил... ну, самую малость.

— Что ты придумал? — с любопытством спросил его собеседник.

— Забрал его память и оставил ему ровно столько, сколько необходимо, чтобы найти Избранную.

— Хорошо. Нашел?

— Пока нет, он рядом, но еще ничего не понял.

— А поймет? — Собеседник глянул на парня, и тот уловил в мимолетном взгляде смех.

Парень пожал плечами.

— Что ж, мы сделали достаточно, Рафаэль, — мягко успокоил его собеседник. — Теперь понаблюдаем.

Рафаэль некоторое время стоял молча, но потом не выдержал:

— Можно ли мне спросить?

Его собеседник улыбнулся уголком рта, так, чтобы архангел этого не увидел.

— Ты уже спрашиваешь.

— Почему Ты любишь его?

Он не называл имени. Но они оба знали, что речь не о Габриэле.

— Он тот, кого все ненавидят. Кроме тех, кто понимает его. А я понимаю его как никто другой.

— Но ты наказал его вместе с остальными. Отказался от него, свергнул. Не понимаю... Какая разница между ним и остальными?

— Иногда, чтобы научить ребенка плавать, любящие родители бросают его в воду. Когда-нибудь ты все поймешь, Рафаэль.

— Мне его не хватает. — Архангел с грустью посмотрел на город.

— Так кто тебе мешает?

Рафаэль внимательно посмотрел своему собеседнику в глаза.

— Но разве... Разве можно нам...

В почти прозрачных от внутреннего света глазах собеседника он прочел ответ:

— Я никогда не запрещал.

Весь мир, казалось, сошел с ума. Где-то стояла дикая жара, кого-то заливало дождями, бури и смерчи разрушали целые страны, землетрясения и цунами грозили окончательно стереть с лица земли многочисленные населенные пункты. Катастрофы случались одна за другой, предсказать, где произойдет следующее несчастье, было невозможно. Каждый день агенты слушали новости, все больше впадая в уныние: поиски балерины пока ничего не давали. А вот Ноктурна все чаще напоминала о себе.

После того как агенты искали портрет с частью ее силы сначала в Ватикане (и нашли там только призрак папы римского Александра VI, который теперь повсюду ходил за Настей), а затем во Франции, где портрет был найден, но захвачен Ноктурной, ее сила выросла настолько, что одно бедствие следовало за другим.

Единственной зацепкой была дочь Ноктурны, которая предположительно занималась балетом. Ее поисками занималась Итсаску. Граф Виттури надеялся использовать девочку для ослабления силы Ноктурны, если им придется столкнуться с ней еще раз.

Настя усиленно тренировалась вместе с остальными агентами.

Граф Виттури был рядом, но наедине с ним Настя больше не оставалась. Отчасти потому, что сама боялась этого. Она знала, что большего ей не дано. Ведь тот поцелуй она выпросила у него. Вот и довольно. Он пожалел ее, пошел ей навстречу. Просить сверх того, что дано, не нужно. Она — Избранная и должна погибнуть, выполняя свое предназначение — спасти мир. Точка. Ее мнения на этот счет никто не спрашивал. Просто вручили ей медальон. Архангел Михаил дважды пытался его отнять, но Настя теперь научилась прислушиваться к своей интуиции: ни о какой передаче медальона речи быть не может. Это ее ноша.

Помимо шестого чувства Настя начала замечать за собой странную необходимость время от времени бывать на природе. Это было похоже на голод: порой у нее возникало острое желание оказаться в лесу или у моря. Первое время было неудобно просить об этом агентов, но однажды, когда они с Ликой готовили чай на кухне, она покачнулась от слабости, ангел вскрикнула, рассыпав заварку, бросилась к Насте, сползавшей на пол. Это было не головокружение, а просто ощущение отсутствия сил, словно она очень давно не спала и вообще не отдыхала. Граф Виттури оказался рядом. Подхватил ее и крикнул Сержу, что нужна машина.

Они отвезли ее на гору, что совсем рядом с Барселоной, и пока Настя приходила в себя, граф Виттури отчитывал ее сухо и зло:

— Настя, в следующий раз предупреждай, мы будем вывозить тебя в любое время, в любую погоду.

— Но что со мной?

— Ты все больше зависишь от сил природы. — Рука графа мимолетно коснулась ее щеки. — Слишком много затрат эмоциональных и физических. Тебе необходимо пополнять энергию.

Они еще долго сидели с ней там, в лесу, переговариваясь о последних событиях, пытаясь нащупать след Ноктурны во всех происходящих катаклизмах.

Так и повелось. Два-три раза в неделю Настя ездила в горы с Ликой, графом и Сержем. Иногда вместо Сержа был Диего, иногда Габриэль. Итсаску целыми днями копалась в базах данных.

Чем чаще Настя попадала из города на природу, тем больше начинала чувствовать ее иначе.

Прикасаясь к дереву, она чувствовала движение соков внутри, понимала, что от разных деревьев энергия идет разная, где более вязкая, где более легкая. Когда она входила в воду, то тоже ощущала, как вода забирает из нее ненужное, пережитое, переработанное, а взамен будто обновляет ей кровь. Когда касалась земли, чувствовала себя частью ее, словно распадалась на камни, глину, песок...

Это приводило ее в такой восторг, что она даже рассказала об этом графу Виттури. Тот слушал, слегка улыбаясь, внимательно разглядывая ее, убеждаясь снова и снова, что она — иная, как города, что зовут ее к себе. Ни одна земная женщина не могла так спокойно общаться с ним после сближения, и это успокаивало его и в то же время раздражало. Как ангел он восхищался ее стойкостью и контролем перед соблазном, а как демон все больше испытывал желание искушить снова. Ее природа была абсолютно человеческой, но

дары Старой Матери раскрывали в ней самые лучшие качества, перерабатывали ее человеческую природу и соединяли с природой куда более древней и мудрой, полной огромной силы и энергии. А ее способность видеть призраков восхищала и вносила сумятицу в повседневную жизнь: было забавно смотреть, как Настя с серьезным видом спорит о чем-то с пустотой или смеется, очевидно, удачным шуткам папы римского, в последнее время призрак и девушка стали друзьями, и это тоже делало ее особенной.

И порой, когда он слышал ее смех, что-то болезненной пружиной срывалось внутри, гадюкой жалила мысль: она умрет. Она, та, что тербит кончик своей косы и прикусывает губы, когда задумывается. Та, что смотрит всегда такими грустными глазами серьезно, открыто и честно. Дитя, которое доверчиво идет к нему, когда больно. И яростная, свирепая волчица, которая мелькает в ней иногда во время боя или спора. Она умрет.

Вечность тогда представлялась ему еще более мучительной, чем раньше, и он сам не мог понять, почему испытывает ярость и желание крушить все вокруг. И в эти моменты он взвивался в небо, искал бури, которые теперь так легко можно было найти, врвался в самое сердце их, рвал и метал, крушил и разворачивал воздушные потоки, орал от ярости и обиды. И когда он возвращался на землю, то горел ненавистью к Насте, такой сильной, что пару раз от решающего шага его спасало только воспоминание о ее просьбе не убивать ее напрасно. И если бы можно было принести ее в жертву на какой-нибудь алтарь, он бы уже давно приво-

лок ее туда за волосы и перерезал ей горло. Лишь бы решить самому, лишь бы не ждать ее гибели. Но он обещал. Хитрая девчонка как чувствовала его. Знала его лучше, чем он сам. Единственное, что дорого для демона, — это слово, данное им самим.

Премьера балета должна была состояться через неделю. Наташа репетировала как безумная, до кровавых мозолей, до полного бессилия, лишь бы не думать, не вспоминать, не тосковать. После репетиции падала на руки приходившего за ней мужчины. Он оказался реальным, этот мужчина из снов. Появился на пороге ее квартиры сразу после звонка из полиции, до приезда комиссии по делам несовершеннолетних. Сказал, что будет с ней всегда.

Она тогда ничего не могла понять и осознать, все было как в тумане. Смутная надежда, что мама найдется, таяла с каждым днем. Ограбление, убийство брата и похищение матери — это слишком много для одной потерянной девочки. И появление Ролана казалось подарком свыше. Он представлялся всем ее дядей. Нужные документы появлялись у него на руках по первому требованию. Да и особых препятствий чиновники ему не чинили: стоило ему взглянуть на женщин, они становились послушными и ласковыми; печати, бумаги — все было решено в краткие сроки. И он стал ее опекуном. В балетной школе его появление было всякий раз событием: высокий, красивый, широкоплечий, притягательный. Мамочки тайком вздыхали, когда он проходил мимо, преподавательницы таяли, балерины перешептывались и обсуждали.

Он забирал ее, иногда выносил, закинув на плечо, на другом неся сумку. В машине ее всегда ждал заботливо упакованный термос с чаем, фрукты или печенье, чтобы перекусить.

Он был рядом, но был молчалив, задумчив, все время насторожен, словно ждал опасность отовсюду. Она видела: он охранял ее, но от кого — не знала. И, чтобы не думать, тренировалась без устали и надеялась, что в день премьеры случится чудо и мама появится в зале. И все будет хорошо. Но без папы и Саши... Без них... без опоры... как могло быть хорошо?

Ролан крепко обнимал ее, заботился о ней, но больше не приходил ночами, разве что если ей снились кошмары. Тогда сквозь сон она ощущала, как он ложился рядом, прижимал ее к себе, и страшные сны уходили. Оставался только он, его объятие, его такая странная забота.

— Кто ты? — спрашивала она.

— Это не важно, — отвечал он.

— Почему ты заботишься обо мне?

— Потому что у меня нет другого занятия.

Она подозревала, что, пока он ждал ее с репетиции, уступал окружавшим его одиноким женщинам, иногда ревниво замечала легкую небрежность в его одежде. Когда она попыталась возразить, он сухо ответил:

— Это моя природа. Я создан для похоти. Ты — нет.

— А для чего создана я?

— Ты — танец.

И он посмотрел на нее с такой тоской и обожанием, что Наташе нечего было возразить ему. Она и сама подчас переставала чувствовать, что она человек, что у нее могут быть обычные человеческие отношения и

жизнь. Семья исчезла, она оказалась одна, и был Ролан, за которого держалась, как за спасательный круг. Подружки не знали, как реагировать на ее горе, на ее успех, и оставили в покое. И был только танец.

Мрачная история Жизели, которая раньше ей не нравилась, теперь обрела новые оттенки. Жизни у обеих практически не было: только танец, которому можно отдать всю страсть, одиночество, отчаяние, боль. И она танцевала ее с каждым днем все лучше, преподаватели говорили, что если раньше сомневались насчет Наташи, потому что не чувствовали в ее подаче Жизели чувств, то теперь она сама была воздушным призраком, продолжающим испытывать человеческие чувства, все еще любящим, несмотря на предательство.

Инкуб глаз не сводил с нее в танце, когда ему разрешили приходить, он посещал все репетиции. Наташа парила над сценой, едва касаясь ее кончиками пальцев, воздушная и неземная. Он преклонялся перед плавностью ее рук, поворотом головы, который выражал отчаяние и боль, смирение или протест. Она словно перевоплощалась или, точнее, теряла плоть, потому он не испытывал влечения к ее телу. Но дать определение тому чувству, что теплилось в нем, вспыхивало при взгляде на нее, заставляло заботиться о ней, он не мог. Инкуб не знал любви, у него просто появилась необходимость заботиться о той, что превращалась в мотылька, птицу, бестелесного призрака, стоило выпустить ее из объятий. Прекрасная, гибкая, все в нем замирало, когда она летела спасать своего любимого, зная, что они не будут вместе.

Он слышал, как шептались балетмейстеры: родится новая звезда балета. И он гордился тем, что внесет лепту в рождение прекрасного, потому что никогда ничего не создавал в своем долгом существовании, которое теперь казалось ему пустым и бессмысленным до того дня, как он проник к ней в спальню.

Одному ему было известно, что стоит за великолепием танца Наташи. Именно он снимал с нее пропитанные кровью пуанты, перебинтовывал ее мозоли, носил на руках, чтобы неземное и воздушное существо, оправившись, снова взлетало с его ладоней и парило по сцене.

И вместе с тем глухая тревога не оставляла его. Словно заноза сидела в душе инкуба мысль: они найдут их. Но кто эти «они», он не знал. Только понимал, что с их появлением произойдет нечто страшное и неотвратимое, что нарушит состояние хрупкого равновесия, которое удалось ему создать для Наташи.

ГЛАВА 2

Настя, зевая, вышла из спальни и застыла, глядя на гостиную, совмещенную с кухней.

Ангел Габриэль жарил яичницу в майке «Не звони мне, звони 666», папа римский смотрел очередную передачу, где публично ссорились, мирились и выясняли отношения какие-то люди. Попутно папа римский читал им нравоучения, назначал количество покаянных молитв или просто шептал:

— В темницу... а на тебя даже яда жалко...

Настя, сонно протирая глаза, прошлепала босиком к плите, налила себе кофе и села за стол. Определенно... ангел, с которым она столкнулась в ином Париже, и призрак папы римского, выпущенный ею на свободу в подземном секретном проходе Ватикана, составляли странную пару соседей по квартире.

— Чем сегодня займешься? — спросил Габриэль, поставив перед ней тарелку с глазуньей.

— У меня свободный день.

— Тогда... — Он замялся, потом поднял на нее взгляд своих синих глаз и попросил: — Может, составишь мне компанию?

— Конечно! А что будем делать?

— Не знаю, заметила ли ты, но у меня по всему телу идет татуировка с нотами. Я хочу узнать, что это за мелодия. Возможно, я как-то связан с Ноктурной, потому что мне казалось, я виновен в произошедшем. Когда мы провалились в ее душу, все в ее доме казалось мне знакомым. Вдруг... знаю, звучит бредово... но вдруг эта татуировка не просто так?

— Знаешь, — задумчиво размешивая молоко в кофе, ответила Настя, — если бы ты сказал мне это где-то полгода назад, я бы посмеялась и ответила, что это бред. Но с тех пор... я словно поселилась в каком-то кошмарном сне, и уже все вокруг не кажется мне бредовым. Поэтому я конечно же займусь разгадкой твоей татуировки. Только вот я не знаю нот.

— Я тоже, — признался ангел. — Но тот продавец в музыкальном магазине может помочь нам, как думаешь?

— Кстати, хорошая идея. Завтракаем и едем. Сейчас напишу сообщение Диего, чтобы нас не потеряли.

— Настя... — Габриэль весь покраснел, как розы на его шее. — Спасибо.

— Да не за что! Спасибо, что доверился мне.

Втроем (призрак увязался с ними) они вошли в магазин. Продавец сразу узнал их, но немного отступил, когда Настя озвучила просьбу расшифровать тату.

Однако уже через несколько минут Габриэль стоял перед ним, обнаженный по пояс, а продавец списывал ноты на лист. Ангел медленно поворачивался, потому что ноты, переплетенные розами, располагались спиралью по его туловищу.

— Определенно это музыкальная композиция, но только понятия не имею откуда. Сейчас попробуем наиграть.

Продавец сел за пианино, Габриэль быстро надел майку, и все они столпились вокруг, умирая от любопытства.

Мелодия зазвучала.

— Похоже на классику, — пробормотал продавец. Он проиграл ее сначала неуверенно, потом повторил более слитно и гармонично, не спотыкаясь.

— Я определенно слышала ее раньше. — Настя ломала голову. — Знаете, у меня папа меломан, узнает любую музыку на слух.

Она позвонила отцу и коротко объяснила, что нужно узнать мелодию. Продавец проиграл ее еще раз. Отец помолчал, а потом ответил довольно уверенно:

— Это из балета «Жизель». Музыка Адана. Уверен почти на девяносто процентов.

— Спасибо, пап.

— Это музыка из балета, — сказала она Габриэлю, завершив вызов.

Они поняли друг друга с полуслова. Габриэль побледнел.

— Но надо убедиться, что это она, — торопливо поправилась Настя.

— И если это так?

— Тогда ты действительно являешься частью головоломки. Как и я. И мы не случайно встретились в Ином городе.

— И возможно, мы найдем ее тоже. Через эту музыку.

— Вы оба бредите, — вмешался папа римский. Он слишком долго хранил молчание, наблюдая за всем процессом. — Но бред интересный, — уступил он, когда Настя посмотрела на него с осуждением.

— Музыкальный, — поправила она.

— Что — музыкальный? — не понял Габриэль.

— Музыкальный бред, — таинственно улыбнулась Настя.

Вечером они вышли из агентства вполне довольными: передали информацию Сержу и Итсаску, которые там дежурили, а сами поехали домой. По дороге Настя почувствовала вдруг жжение в солнечном сплетении, тоску, тягу, словно ее за неведомые нити тянуло к графу Виттури. Перед мысленным взором встал его облик.

Так вот что ощущал граф, когда она призывала его... Настя решительно направилась к выходу из вагона.

— Нам не здесь выходить, — возмутился Габриэль.

Несмотря на отговоры, ангел и призрак довели ее до дома графа. Настя торопливо вбежала по ступенькам, махнула им на прощание рукой. Дверь ей открыл все тот же молчаливый дворецкий.

Звуки скрипки доносились со второго этажа. Дворецкий просто жестом пригласил ее пройти. И она поднималась по лестнице, ведомая мелодией. Словно скрипка кричала:

— Иди! Иди сюда! Еще шаг и другой!

В этой необыкновенной, прекрасной музыке, которая то замирала, то вновь возникала, то заходила в плаче, то переливалась трелями, чувствовалась боль, и она царапала душу. Так, наверно, звучит одиночество. При приглушенном свете шаги Насти проглатывал ковер на лестнице. И казалось, нет больше в мире звуков, только скрипка, которая просит ее прийти, подняться, ворваться, потому что дольше терпеть невозможно, потому что сейчас! Ах! Сейчас лопнет струна, рассыплется в прах дерево, не перенеся этих страданий. Настя обернулась: дворецкий исчез. Она была одна.

Рука скользнула по перилам. Она рвалась наверх и не решалась. Но тут скрипка залилась слезами, потом словно прыгнула в пропасть, взвилась вверх, закружилась в ритме безумных переливов. Нужно было быть дьяволом, чтобы так играть.

И, войдя в зал, она увидела графа Виттури в свете горящего камина, по стенам плясали безумные тени, а он играл с закрытыми глазами, сливаясь с инструментом в одну угловатую подвижную тень.

В тот момент он сам был мелодией, где одиночество, боль, отчаяние, сопротивление, ярость, мощь спле-

тались в клубок, который она едва успевала распутывать, следуя за изменчивыми настроениями инструмента. Прервать его она не решалась. Каденция и возрастание, замирание, острая боль, барокко из торжества.... Сражение, сражение, проигрыш, победа, торжество, отчаяние...

Она прижалась спиной к стене у входа, и слезы текли от красоты и боли, которой он делился с ней.

Он то замирал, нежно водя смычком, то весь взвизывался, отчаянно ударяя им по струнам. Он всегда будет таким. На грани между добром и злом. Невероятный и прекрасный. Несчастный и такой любимый.

Граф Виттури вдруг вздрогнул и оборвал мелодию, резко повернувшись к ней. Некоторое время он молчал, огонь за его спиной не давал рассмотреть его лицо.

— Ты пришла... — сказал он наконец.

И шагнул навстречу, положив скрипку на столик, и она прикрыла глаза, слушая его шаги. Он коснулся рукой дорожки от слез на ее щеке. Потом ласково вытер их, заключив ее лицо в ладони.

— Не плачь. Не жалею меня.

Она замотала головой. Попыталась рассмеяться. Ткнулась лицом в его грудь.

— Прости меня, — прошептала. — Я всего лишь человек.

Он усмехнулся, обнял ее за плечи и прижал к себе.

— Я знаю, маленькая.

Настя отстранилась, полная решимости. Он с удивлением прочитал в ее глазах, что она собиралась сказать, но не успел остановить.

— Только одна ночь.

Его резануло по сердцу ее отчаяние. Он уже сам не знал, зачем так звал ее, хоть и не надеялся, что она придет. Но теперь она здесь. Он не может лишить ее предназначения ради каприза, Избранная должна быть девой. Да и не хочет он ее на одну ночь. Ему и вечности будет мало.

— Нет. Одной ночи мало.

— Тогда чего ты хочешь? — Она порывисто отвернулась, оскорбленная отказом. Щеки медленно заливались румянцем. Он слышал, как сердце билось учащенно и гулко, раненное его замечанием. Как она нетерпелива и юна! словно почка на дереве по весне, нежно-зеленая, полная сока торопится раскрыться навстречу солнцу и тянется к нему изо всех сил. Она не знает, что солнце может испепелить и иссушить своим жаром.

Он повернул ее лицо к себе, мягко коснувшись подбородка. Опущенные ресницы вздрогнули и взметнулись вверх, и полные слез глаза обнажили перед ним душу. Голосом тихим, спокойным, даже с толикой грусти он объяснил:

— Путь рук по телу любимой, изгиб бедра под пальцами, жар кожи, распаленной поцелуями, полнота груди в ладони, прохлада ее стопы на твоём бедре... Шелк и запах волос, вкус поцелуев, ее дыхание, голос, смех и слезы... За одну ночь не научиться находить с первого раза ямочки на пояснице, вкладывать в них палец, проводить по окружности впадинки, словно по резному орнаменту. Тело женщины — храм, который надо уметь читать, если хочешь понять, кому и зачем молишься. Если это не похоть, од-

ной ночи всегда мало, запомни. Для этого нужно много ночей. Разных.

— Похоже на песнь песней.

— Эта песня еще не спета, Настя.

И она снова смутилась. Ему нравилось смущать ее. Было в ней что-то такое, что вызывало умиление, похожее на то, что испытывает ребенок к котенку. Он знал, что она в его власти, что ему решать, жить ей или умереть, брать ее или хранить. И оттого хотелось больше всего на свете защитить ее доверчивость как можно дольше. Наивность и чистота дарили ему покой, наслаждение. Он не хотел ломать ее похотью и капризной страстью. Но знал он, что и любить ее ему не дано.

И как у него получалось всегда оставлять ее в дураках? То соблазняет одной ночью, то угрожает потерей души, то отказывает во всем и сразу, да еще так, что после этого остается только либо взять его силой, либо отступить. И так как демона силой не возьмешь, остается только последнее. Уходить надо с юмором и осторожно. Только глядя ему в глаза, в которых отражался огонь в камине, она видела: он лжет. Желание ощущалось на кончиках его пальцев, в том, как он удерживал ее в своих руках. Не хотел отпускать. И одиночество скрипки снова пронзило ее душу.

— Ты пришла только поэтому?

Она накрыла его руки своими и кивнула:

— Только за этим. И я не уйду.

Это прозвучало как пощечина, как удар под дых. Он искал причины оттолкнуть ее, но не мог найти ни одной.

— Ты еще будешь просить пожалеть тебя. — Голос Демона прожигал насквозь. Опасность, притяжение, терпкость греха. Его пальцы слегка коснулись углубления над ее ключицей, пульс ее жизни с силой бился об них.

— Не стану, — почему-то шепотом упрямо возразила она.

Эта человеческая безбашенность и отвага.

— А я и не пожалею.

Он рывком схватил ее, притянул к себе, губы торопливо нашли ее рот и прижались к нему, даже у демона есть предел, и он перемахнул его разом, и страсть закружила его, ослепляя своей сладостью и оглушая частым биением ее сердца. Настя задохнулась от тянущей боли в теле, от миллиарда ощущений, заполнивших сознание, она словно переставала существовать в его объятиях. Или становилась с ним одним целым. Он так нетерпеливо целовал ее, с такой тоской и силой ласкал лицо, обозначая границы скул и линии бровей, что грань между пыткой и наслаждением была прозрачной и неосязаемой. Больно и сладостно. Казалось, чем глубже его пальцы вдаются в кожу, чем яростнее губы вопьются в нее, чем крепче он обнимет, тем больше будет удовольствия после боли. Он первый остановился, понимая, что почти душит ее. Задыхаясь, больно сжав за плечи, приложив всю силу, он отодвинул ее от себя. Она подалась было снова к нему, но он глухо остановил:

— Нет. Я разрушу тебя.

Она поверила. Его глаза были черны, в них колыхалась черной жижей страсть и угроза. Опасность тысячью зрачков смотрела на нее оттуда, и злость в нем клокотала и вьюжила.

— Я знаю тебя, — уверенно сказала она, облизнув кровь с губы от его укуса, смело глядя в налитые болью глаза. — Ты сильнее всех. Ты лучше всех. Я не хочу твоей жалости, я хочу тебя.

Стон или рычание пророкотало в темноте, Зверь стоял перед ней, оцетинившись миллиардами острых стрел, она прижалась к нему, зная, что играет со смертью.

— Ты не зло, — горячо шептала она, чувствуя, как кровь с губы стекает по подбородку. — Ты выбор. Ты имеешь право выбирать и даришь это право другим. Я выбрала тебя. Выбираю тебя каждую минуту своей жизни. Я знаю тебя лучше, чем ты думаешь. Я чувствую тебя. Твоя боль — моя боль. Твое одиночество — моя печаль. Твоя страсть — моя любовь. Твоя похоть — мое желание.

Он медленно собрал языком бегущую по ее шее кровь, нежно прижался к губам, и поцелуй был солоновато-сладким, нежным. Доверие к нему переполняло ее тело, она чувствовала себя невесомой. Как тогда, на балу, во время их первого танца. Ей даже казалось, она слышит ту волшебную музыку. Знает, что впереди будет счастье.

— Настя. — Этот выдох принадлежал графу. Она улыбнулась. Зверь бежал, поджав хвост.

Что она могла сделать для него? Что еще она могла отдать ему, подарить, предложить? Всем телом и ду-

шой она хотела согреть его, прогнать тени, мрак, зло. Ведь он был иным.

— Я принесу тебе только боль, маленькая девочка. Уходи.

Схватив его руку, развернула ладонь и поцеловала. И с удивлением увидела, как кровь с губы, что никак не останавливалась, затекла в линии на ладони. У него появились линии судьбы.

— На моих руках твоя кровь, — горько прошептал демон.

Она прижалась к его ладони щекой.

— Это ничего не значит. Я бы отдала больше, только попроси.

Он смотрел на ее светло-русую макушку, не в силах сказать ей, что она умрет, а он ничего не сделает для того, чтобы спасти ее. Он предаст. Чтобы спасти остальных.

Она так доверяла ему... Доверие и любовь двигали этой хрупкой девушкой, чьи зеленые глаза, казалось, всегда грустны. Она росла, становилась мудрее, училась следовать своим путем. Он не имел права теперь столкнуть ее с этой стези. Ему стоило столько трудов направить ее. А теперь все, чего хотелось: накрыть своими крыльями и не отдавать никому. Даже Ему. Особенно Ему.

— Тогда оставайся, я велю подготовить тебе комнату. Побудь со мной. И всеми моими демонами. Но твоя душа пусть останется с тобой. Не сегодня.

Она кивнула.

Пока они перебирали предметы-воспоминания в его кабинете, где он слушал ее удивленные возгласы или чувствовал, как она замирает от благоговения пе-

ред тем, как прикоснуться к вещи, полной истории, пока ужинали вдвоем, сидели у огня, смеялись, он забыл о времени. Не слышно было этого надоедливового пульса секунд, который так часто сводил его с ума в темноте. Она заполнила пустоту рядом с ним. Вечную пустоту, которой, казалось, нет конца. И даже когда она заснула на диване, доверчиво положив голову ему на колени, даже тогда в наступившей тишине он слышал только спокойное биение ее сердца.

ГЛАВА 3

Голоса стали звучать в голове, когда она гуляла по лесу с Ликой и Диего. Это был мужской хор, который растягивал слоги так, что даже непонятно было, на каком языке поют.

- Ты слышишь? — спросила она у Лики.
- Что именно? — спросила ангел.
- Как они поют.
- Птицы?

У Насти было ощущение, что она на службе в соборе, а не в лесу. Она запрокинула голову, чтобы убедиться, что над ней кроны деревьев, своды ветвей и листьев, небо, а не потолок храма. Ну ладно. Поют, и славно. В конце концов, поют прекрасно, пусть это и потусторонние, нездешние голоса. И она пошла дальше, прислушиваясь к пению, проводя в задумчивости рукой по веткам кустарника и стволам деревьев. И вот тут она впервые увидела ее.

Серебристая субстанция при прикосновении к ветвям отделялась от них и тянулась к ее пальцам. Настя

остановилась, завороченная зрелищем. Вот она касается плюща, обвившего дуб. И от остроконечных листьев струится потоком, тянется к ней сверкающая, прозрачная, как туман, дымка.

Лица и Диего, думая, что она остановилась подпитаться энергией, сели на ствол упавшего дерева, ангел достала воду, бутерброды, термос с кофе.

— Настя, когда сможешь, приходи к нам! — крикнула Лица.

— Угу. — Настя пыталась понять, что это такое.

Приложив ладонь к сосне, она подержала ее, а потом убрала: из ствола вслед ее руке потянулась ржавого цвета мерцающая дымка.

Мысленно Настя взмолилась Старой Матери: «Что ты еще за муку придумала мне, ведунья?»

— Я лишь награждаю тебя, — слышался голос позади нее.

Настя резко обернулась. Старуха стояла перед ней в образе прекрасной лесной девы в одежде из мха и листьев, с ветвями, вплетенными в волосы, по которым прыгала, тренькая, коричневая птичка.

Но это была Старая Мать, Настя чуяла звериной своей сутью.

— Тебе нужны будут силы, чтобы сопротивляться злу. Ты мой воин, я выбрала тебя из всех жриц: прошлых, настоящих и будущих.

— Ты не выбирала, меня привел демон.

Смех серебряным колокольчиком разнесся по лесу.

— Я знала тебя задолго до того, как о тебе узнали демоны. Задолго до того, как ты заговорила. Я — сама

жизнь, Настя, и вынуждена признать, что все это время я приглядывалась к тебе с недоверием. Но ты сильнее, чем думаешь. Только...

— Только что?

На лице Старой Матери отразилось сомнение.

— Только силы зла все сильнее, моя волчица. И боюсь, что всех сил земли не хватит, чтобы противостоять ему. Оно разрушит все, что я создавала, все, что создавал Он. Я только надеюсь, что ты найдешь путь.

— Почему я?

— Так получилось. Разве не приятно на время стать равной богам?

— Демон говорит, я погибну в сражении. Это так?

— Демон во многом прав. Боюсь, что часть тебя погибнет. Но все живое смертно, Настя.

— Тут следует разговор о бессмертии души?

— Я не стану говорить того, что ты поймешь и без меня. Загляни в душу к ангелу — увидишь там мрак, загляни в душу к демону — возможно, увидишь свет... А человеческие души хрупки, непостоянны: умирают сами по себе, растворяются, возрождаются, остаются навеки призрачными. Ты это знаешь и без меня, говорящая с призраками. Ты видишь души мертвых и можешь заглядывать в души живых.

Мороз пробежал по коже Насти. Сколько всего она хотела спросить у Матери, но не решалась, потому что побаивалась ее больше демонов. Было в ней, в этой силе природы что-то безудержное и дикое, совершенно неразумное, чего не было даже в демоне. В каком-то смысле ближе всего к ней стояла Ноктурна, только была ее негативом, разрушительной, не созидательной силой.

— Зачем наделять меня, смертную, такой силой? Почему не выбрала того, кто живет дольше?

— В человеческой хрупкости есть своя красота. Вы же сами создаете прекрасные вещицы, порой очень хрупкие и недолговечные.

Прекрасно... она для богов всего лишь милая хрупкая вещица.

— Ненавижу тебя.

Старая Мать засмеялась. Красивая девица растворилась, и перед Настей снова стояла старуха с бельмом на одном глазу. Второй менял и цвет и форму, становясь то птичьим, то кошачьим, то змеиным, то человеческим. Настоящая Баба-яга.

— Мне все равно, что ты чувствуешь. — Костлявый палец с длинным ногтем ткнулся в грудь Насти. — Мне важно, что ты знаешь, что этот мир надо спасти. И ты сделаешь все для этого.

И она исчезла. Настя закрыла глаза.

Если бы она была богом, разве разрешила бы грызться остальным? Если бы она была природой, разве не сохраняла бы, вместо того чтобы разрушать? Если бы она была ангелом, было бы в ее душе место для зависти? А если была бы демоном — разве стала бы рушить ею не созданное? Но ее место ничтожно, она человек. Такой маленький и потерянный, что хочется остановить всех ангелов, демонов и прочих тварей, заорать на них, чтобы они утомонились уже и перестали вырывать друг у друга несуществующие бразды управления.

— Настя!

Она обернулась. Лица улыбалась ей и махала рукой.

— Иди к нам, а то Диего прикончит твой бутерброд!
Улыбка помимо ее воли появилась на лице. Позабыв о Старой Матери, об энергии леса, Настя пошла к друзьям.

Диего ломал пальцами сухую веточку, пока прислушивался к трепу девчонок. Лика сползла со ствола упавшего дерева и сидела, прислонившись к нему спиной, на опавших листьях и мху. Настя пребывала в глубокой задумчивости, Диего попытался проникнуть глубже в ее мысли и вздрогнул, когда на него прыгнула белая волчица. Не сразу осознал, что это случилось не наяву, что она выгнала его из сознания Насти. Но он все равно знал, что девушка связалась с графом Виттури, что-то между ними определенно происходило. И оборотень был зол на графа из-за этого. Не из-за Насти. А потому что граф запретил ему даже смотреть в сторону Лики.

При одном только взгляде на ангела оборотню становилось тоскливо. Как же Лика живет и не чувствует себя одинокой? Неужели за все время ее земного существования она не влюблялась? Он покосился на вырез ее майки, спустился взглядом до бедер. Это безумие желать ее постоянно, желать ангела. Граф верно говорит, Диего преступен в своем влечении.

Диего был последним, кто заметил опасность. Настя почувствовала, как напряглось тугой стрелой тело белой волчицы, прежде чем осознала, что лес молчит. Лика вдруг переменялась в лице и начала подниматься. В этот момент волчица выскочила из Насти и зарычала. Лика вскрикнула и схватилась за лук и стрелы,

но не успела вставить стрелу: повалилась на бок, застонав от боли.

Диего обернулся, увидел шестерых ангелов, приближающихся к ним, и перекинулся. Встав плечом к плечу с белой волчицей, он оскалил зубы и зашипел. Шерсть встала дыбом, когти от напряжения вонзились в сырую землю.

Михаил с лицом, полным презрения, мельком взглянул на животных и перевел взгляд на Настю.

— Время платить долги.

Настя поняла его: в Риме он уступил ее просьбе, оставил с друзьями. Но теперь архангел был настроен решительно. Кулон опять раскалился и жег кожу. Настя знала, что не должна отдавать его Михаилу в руки, но шестеро ангелов запросто искрошат Диего и волчицу, а Лика не могла действовать против них.

Поэтому она расстегнула цепочку и протянула темнеющий от накала кулон Михаилу. Он схватил его, но тут же отдернул руку, кулон упал в траву, и легкий дымок начал клубиться от сухих листьев.

— Подними.

Настя послушно подняла его. Он был горячим, но не настолько, чтобы обжечься.

— Ты пойдешь с нами.

Настя призвала волчицу, и та исчезла. Диего сделал было шаг к ней, но она остановила пантеру:

— Нет, Диего. Остайся с Ликой. Предупреди графа.

А сама мысленно призывала его, желая больше всего на свете, чтобы он оказался между ней и Михаилом. И она сделала шаг навстречу архангелу. Потом еще.

Земля почему-то ощущалась вязкой под ногами. Она так сильно зажала в ладони кулон, что ногти и края кулона вонзились болезненно в кожу.

В упор она смотрела на Михаила. В чем его игра? Чего он хочет от нее?

Архангел крепко схватил ее за плечо. Настя обернулась на Диего, который склонился над Ликой.

— Закрой глаза.

Настя послушалась.

— Открой.

Она в ужасе огляделась: они находились уже не в лесу, а посреди лавандового поля, которому, казалось, нет ни конца ни края. Настя решила не задавать вопросов и вообще никак не общаться с архангелом. Она надеялась только, что демон сможет найти ее. И снова обратилась к нему с призывом.

В этот момент Михаил ударил ее прямо в солнечное сплетение.

Диего никогда не видел графа Виттури таким. Когда он материализовался перед ними, оборотень как раз пытался поднять Лику и успокоить ее. Ангел рыдала навзрыд. Сначала граф бросился к Лике, оттолкнул Диего, прижал ее к себе, но почти сразу отпустил: он не мог ей помочь силой, они были разными.

— Все хорошо, все хорошо. — Он вытирал ей слезы.

Лику трясло.

— Я не смогла ничего сделать, я не смогла. Они ее забрали.

— Ничего, ничего.